

Анализ воспоминаний представителей дворянского рода Племянниковых свидетельствует о том, что при интерпретации генеалогических источников необходимо учитывать особенность их происхождения и тесную взаимосвязь. Источники, разделенные в пространственно-временном отношении, не позволяют исчерпывающе реконструировать генеалогическую родословную. Эти трудности связаны, прежде всего, с трансформацией общественных связей, их атомизацией и изоляцией, разрывом родственных связей в условиях социальных трансформаций российского общества. Вырванная из контекста генеалогическая информация способствует возникновению легенд и трансляции недоверенных генеалогических данных, а впоследствии порождает ошибки их интерпретации.

УДК 908+929

DOI: 10.18287/978-5-6049622-0-6-2023-50

*Дмитрюк С.В.*¹

**ЖЕНСКАЯ МЕМУАРИСТИКА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ
В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

(г. Самара)

В статье рассматриваются мемуары выдающихся женщин эпохи Просвещения в России как исторические источники, значимые для изучения данной эпохи, ее особенностей и положения женщин в конкретный исторический период, дается характеристика историографии по теме, определяется степень ее изученности и полнота исторических знаний.

Ключевые слова: женская мемуаристика, феномен «Я-повествования», дискурс о женском, автобиография, эпоха Просвещения.

---

¹ Дмитрюк С.В. – бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, sofia_just17@mail.ru

**WOMEN'S MEMOIRS OF THE AGE OF ENLIGHTENMENT
IN RUSSIA: PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY
AND SOURCES OF KNOWLEDGE**

(Samara)

The article considers the memoirs of prominent women of the Enlightenment era in Russia as historical sources relevant to the study of this era, its features and the position of women in a particular historical period. Historiography is also covered, its degree of study and completeness of historical knowledge is given.

Keywords: women's memoirs, the phenomenon of «I-storytelling», discourses about women, autobiography, the age of Enlightenment.

На современном уровне развития исторической науки без глубокого исследования женского взгляда на общественную и политическую жизнь невозможно создание полноценной картины любой исторической эпохи. Актуальность изучения женской мемуаристики эпохи Просвещения определяется тем, что опыт современных гуманитарных наук предоставляет новые возможности и исследовательские стратегии в изучении автобиографических текстов, в том числе женских текстов XVIII в.²

Целью данной работы является анализ историографического и источниковедческого аспектов изучения в российской исторической науке женских мемуаров второй половины XVIII в. как культурного феномена, порожденного своим временем и обладающего своеобразием структур и форм повествования.

Русский женский дискурс имеет ряд отличительных особенностей в сравнении с общеевропейской традицией. В Европе женщина-писательница к XVIII в. стала явлением привычным. Начиная с середины XVIII в., женское творчество формально оценивается как равное мужскому «письму», то есть как имеющее право зани-

---

¹ Dmitriuk S.V. – Bachelor of History, Samara National Research University, sofia_just17@mail.ru

² См.: Прохорова Н.Ф. Женские мемуары в России в середине XVIII – середине XIX вв. // Прохорова Н.Ф. Россия конца XVIII – середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой: публикация, источниковедческий анализ и комментарии мемуаров: в 2 т. Т. 1. Самара, 2014. С. 12-18.

маться не только и не столько сферой исключительно женских переживаний:

В суждениях и оценках можно видеть проявление общего для европейской культуры отношения к женскому творчеству и женскому дискурсу, которое отчасти повлияло и на представления русских просветителей. Но именно – отчасти, поскольку просветительские декларации в России XVIII в., инспирированные увлечением европейской философией, в общем и целом не соответствовали реальному положению дел, обусловленному своими национальными традициями. Примером может быть довольно типичная для русского XVIII в. ситуация с публикацией перевода книги Агриппы Неттесгеймского (1486-1535) «О благородстве и преимуществе женского пола» (СПб., 1784). Как считает Ю.Н. Солонин, это была русская версия приписываемой автору книги¹. В книге был сформулирован ряд положений, доказывавших «преимущества женского пола».

«Женский вопрос» в России второй половины XVIII в. решался очень сложно и противоречиво: традиционные и устойчивые представления о месте женщины неожиданно и парадоксально сталкивались с реальностью женской власти. Неслучайно новое «мужское правление» началось, можно сказать, разрубанием этого «гордиева узла», то есть запрещением наследования по женской линии.

Женское творчество оказалось на «периферии» культуры, а женщины-писательницы стали «провинциалками русской литературы» не потому, что это внутренне присуще женскому письму, а потому что эти характеристики были предписаны жесткими стереотипами, господствовавшими в русской культуре XIX-XX вв. Все этапы обсуждения женского творчества и «женского вопроса» были связаны с тенденцией к «гендерному конструированию», что позволяет считать сложившиеся интерпретации в большей степени рациональными и идеологическими «выкладками», а не адекватными ситуациям и проблеме оценками.

Женское письмо, с одной стороны, было связано со своим временем и его проблемами, в том числе и эстетическими, с другой – женское творчество закономерным образом обретало и свои харак-

---

¹ Солонин Ю.Н. Голос о женском достоинстве из XVIII века // О благородстве и преимуществе женского пола: Из истории женского вопроса в России: сб. научных тр. СПб., 1997. С. 21.

теристики, обусловленные давлением общественных норм и установок, на которые женщины-писательницы реагировали напряженной авторефлексией.

Таким образом, мы можем говорить о том, что женское письмо является составной и необходимой частью русского историко-литературного процесса, а его отличительная черта состоит в том, что это не только женский дискурс, но и почти всегда дискурс о женском. Именно в этой двойной перспективе, как представляется, и должны рассматриваться мемуарные женские тексты, которые уже изначально ориентированы на презентацию женского Я.

Со временем европейские взгляды на положение женщины и ее способности к творческому труду получают широкое распространение и в России. Можно отметить, правда, что в русской традиции принято было говорить скорее о месте женщины, чем о таком понятии, как женская дискурсивность. Иными словами, обсуждалось не женское творчество, а право женщины на творчество. 1830-е годы ознаменовали собой начало острой полемики по «женскому вопросу», наиболее ярко выразившейся на страницах журналов.

Следует обратить внимание на то, что в этой системе оценок уже проявившее себя в России женское творчество, в том числе и мемуарное, получили соответствующее отношение и культурной элиты, и общества в целом. По сути, женщины-писательницы понимались как некоторое случайное «искажение» нормы, а их творчество отодвигалось на периферию культуры.

Дальнейшее развитие «авторитетных» представлений о женском творчестве и его назначении связано с именем В.Г. Белинского. Как критик он писал обзоры и рецензии, посвященные и анализу произведений женщин-писательниц. Действительно, в статьях Белинского, активно влиявших на мнения его современников, можно встретить целый спектр оценок женского творчества: от снисходительных до саркастических. Например: «Отличительные черты музыки графини Ростопчиной – рефлексия и светскость. Можно сказать, что это муза рассуждающая и светская»¹.

Подобное отношение как к женской дискурсивности, так и в целом к назначению женщины можно встретить и у современников Белинского, и у последующего поколения русских идеологов-мужчин, пытавшихся решить «женский вопрос» вновь по своему, мужскому,

---

¹ Белинский В.Г. Сочинения Александра // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 3. М.; Л., 1953. С. 456-461.

усмотрению, и позднее – уже в начале XX в., когда ярко проявили себя новые способы манипуляции женским и женщиной.

В критике и публицистике конца XIX – начала XX вв. женщин-писательниц вновь «упрекали в неспособности к самостоятельному мышлению, рассматриваемому как необходимое условие творчества. Из этого делался вывод, что женщина-писательница никогда не сможет сказать нового слова в литературе [...], свойством женской литературы считали изображение чувств и душевных переживаний»¹.

В начале XX в. этот круг литературы дополнили «монографические» исследования, выполненные уже женщинами-учеными. Объектом их внимания становятся уже не только исторические характеры, но и женское образование, история женского движения, собственно тексты женщин-писательниц XVIII-XIX вв. Таким образом, дореволюционный период характеризуется как совокупность взглядов, которые преобразовались из сугубо патриархальных до европейских, к концу XIX в. женщина в историографии рассматривалась на уровне мужчины, также рассматривались и ее мемуары.

В России после революции 1917 г. появилось довольно много историков, заинтересовавшихся темой женской мемуаристики². Данная тема стала популярной и вызывала споры. Например, одним из ярких исследователей можно назвать Е.В. Анисимова³, который изучал, в первую очередь, мемуарные записи Екатерины II, но также и женский дискурс в целом. Анисимов утверждал, что женщина на русском престоле – такой же значимый правитель, как мужчина, он не отделял женщин и считал, что женщина имеет право на собственное мнение и его выражение. Также были авторы, которые считали, что мемуары отличаются своей жанровой логикой, топикой, стилистикой и особыми отношениями между автобиографическим героем и автором. Представителями этой группы являются Л.Я. Гинзбург и Г.Г. Елизаветина. А.М. Панченко сформулировал

---

¹ Казакова И. Критика и публицистика конца XIX – начала XX веков о творчестве русских писательниц // Преображение: Русский феминистский журнал. 1995. № 3. С. 63.

² История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 1. XV-XVIII века. М., 1976.

³ Анисимов Е.В. «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность // Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1859. М., 1990.

тезис о том, что любой «мемуар» может быть прочитан как целостный культурный текст, что тоже стало своеобразным прорывом в изучении мемуарного жанра как исторического источника. Нельзя не упомянуть объемный труд по русской мемуаристике, написанный на рубеже советского и российского периодов: это труд А.Г. Тартаковского «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв.»¹. Ученый сформулировал тезис о том, что формула обращения к потомкам или аналогичное «письмо к потомкам» в целом ряде случаев также оформляет «рамку» мемуарных текстов, что послужило основой изучения мемуаристики в дальнейшем.

Таким образом, мы можем говорить о том, что женское письмо является составной и необходимой частью русского историко-литературного процесса, а его отличительная черта состоит в том, что это не только женский дискурс, но и почти всегда дискурс о женском.

Современные литературоведческие подходы к исследованию женской прозы, к сожалению, мало учитывают эту специфику. Чаще всего женские автобиографии или мемуары просто включаются в перечень мемуарных текстов, а сама «женская литература» понимается одновременно и широко, и упрощенно.

Период с 1990 г. характеризуется значительным подъемом интереса к женской мемуаристике². Чаще всего женские автобиографии или мемуары просто включаются в перечень мемуарных текстов, а сама «женская литература» понимается одновременно и широко, и упрощенно.

В объемной монографии Г.В. Мосалевой «Особенности повествования: от Пушкина к Лескову» в главе «Мужское и женское повествование в русской литературе XIX века»³ женский дискурс рассматривается с точки зрения пола героини, от лица которой ведется повествование. Например, специфика записок Н.А. Дуровой, по мнению Г.В. Мосалевой, состоит в том, что она ведет повествование от лица мужчины, а в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина и «Вечерах на Карповке» М. Жуковой есть образцы женского повествования.

---

¹ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.

² Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996.

³ Мосалева Г.В. Особенности повествования: от Пушкина к Лескову. Ижевск, 1999. С.188-212.

В современной феминистской литературной критике принято говорить и о «женском авторстве», и о «женском читателе», и о специфическом «женском чтении». В этом ключе женская автобиография как наиболее показательный жанр «женской литературы» рассматривается как саморепрезентация женского Я, как способ социальной идентификации в условиях цензуры и постоянных запретов, а само женское письмо оказывается «письмом признания, на основе которого строится различие жанров: новелла, повесть, дневник, мемуары, поэзия»¹.

Несмотря на однозначность подходов современной феминистской критики, отсутствие в России фундаментальных литературоведческих работ делает ее опыт и достижения необходимой составляющей в анализе женской автобиографической прозы.

Важным для исследователя женских автобиографических текстов оказывается и совокупный опыт, накопленный в работах ученых-гуманитариев², занимающихся «историей культуры» и проблемой «памяти» («культурной», «семантической», «дискурсивной»), реализуемой в различных дискурсивных практиках культуры. Это те научные исследования, в которых главным предметом анализа являются такие сложные категории как «культурная память», «национальная традиция» и способы их репрезентации в тексте, а также логика истории и культуры, специфика культурных эпох и ментальность. Одновременно в научных кругах возникло стремление осмыслить и русскую культуру в принципиально новом ключе (например, дискуссии о «новом историзме» 2001 г. или об «истории литературы» 2003 г. в журнале «Новое литературное обозрение») и демифологизировать саму теорию литературы, которая долгое время не могла адекватно оценивать специфику культуры и литературы XVIII в.

Опираясь на стратегии анализа, сформулированные современными учеными, можно предположить, что женские мемуары и воспоминания представляют собой случай вербальной реализации личности и связаны с проблемой порождения текста «светской» литературы как средства личностного самоопределения.

---

¹ Жеребкина. И.А. Современная феминистская литературная критика. URL: <http://www.owl.ru/library/004t.htm> (дата обращения: 12.12.2022).

² Боровикова М., Гузаиров Т., Карловский И. и др. Русские мемуары в историко-типологическом освещении проблемы. 2001. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html> (дата обращения: 12.12.2022).

Таким образом, необходимо сказать, что женская мемуаристика всегда волновала исследователей, однако взгляды менялись в зависимости от эпохи и их интерпретации.

В середине XIX в. женщина впервые становится объектом исторического исследования, и впервые была предпринята попытка изменить исследовательскую стратегию по отношению к женской теме. Общациональная дискуссия 1860-х гг. по поводу «женского вопроса», новые социальные практики женщин, формирование женского движения сделали актуальной тему исторического прошлого русской женщины, заставили исследователей обратиться к проблеме роли и значения женщины в истории России. Появилась необходимость в знаниях о женщинах, вырос спрос на «женскую» тему¹.

Принято считать, что XVIII в. в русской культуре – век реформ и новаций: «эпоха Петра началась ярко выраженным разрывом с прошлым [...] она ввела новый календарь, новую столицу, утвердила новый стиль в одежде и поведении»². С этим, действительно, нельзя не согласиться, учитывая, что культурный переворот, осуществленный Петром, был тщательно подготовлен «изнутри» и востребован всем ходом русской истории. В петровскую эпоху сильно возросла роль женщины, ее социальный статус, на фоне чего происходило усиление популярности женского дискурса и самоопределения. Можно сказать, что петровские реформы заложили основу для саморазвития женщины, утверждения ее личности в обществе.

Интерпретируя «Записки» Екатерины II как текст культуры, следует обратить внимание на то, что одной из самых существенных черт личности императрицы было умение творить культурные тексты и находить «язык» общения с современниками. Стимулом для творчества был целый ряд обстоятельств, связанных с восшествием Екатерины на русский престол.

То, насколько важны были записки для императрицы, можно понять, проанализировав время их написания: Екатерина неоднократно прерывала работу над ними, а вот период возвращения к написанию «Записок» с точностью совпадает с переломными моментами в конструировании собственной «истории» и своей роли в

---

¹ Юкина И. История женщин России: женское движение и феминизм. 1850-1920-е гг. Материалы к библиографии. СПб, 2003. С. 3.

² Паперный В. Культура Два. М., 1996. С. 55.

Истории. Так, например, из библиографических и текстологических источников известно, что Екатерина прерывает работу над текстом перед самым вступлением на престол (1762 г.), и возвращается к нему в 1771 г.

«Записки» представляют собой феноменальное соединение различных текстовых моделей. Текст Екатерины написан с использованием таких архетипических схем, образов и мотивов, которые легко опознаются и усваиваются читателем, а следовательно, позволяют легко манипулировать его сознанием. Можно выделить несколько вариантов типовых моделей, обнаруживаемых в тексте «Записок»: это агиографический канон, историософский и философский дискурс Просвещения; светский европейский дискурс XVIII – начала XIX вв. (дворцовые анекдоты, мемуары, истории, случаи).

«Записки» Н.Б. Долгорукой были опубликованы только в 1810 г. ее внуком, известным литератором своего времени И.М. Долгоруким. С 1810 по 1913 год (дата последнего предреволюционного издания, после чего «Записки» напечатаны только в 1992 г.) мемуары Долгорукой переиздавались неоднократно и были своего рода бестселлером, во многом благодаря той роли, которую на них и его автора возложили сначала декабристы, а затем сторонники «женской эмансипации» 1860-х гг. Большинство очерков и статей о «Своеручных записках» демонстрируют удивительную стройность в оценках: они считаются документальным свидетельством о биографии мемуаристки, а также о ее «подвиге»; подчеркивается и удивительный характер языка этого текста – «наивный» рассказ о частной жизни обыкновенной женщины.

Однако исследователи в подавляющем большинстве пренебрегают художественной ценностью материала «Записок» или не видят его. Так, еще в начале XX в. в исследовании Е.Н. Щепкиной¹, которое было посвящено истории женской личности в России и детальному рассмотрению женской литературы XVIII-XIX вв., «Своеручные записки» Н.Б. Долгорукой были оставлены без внимания. Тем не менее, образ Долгорукой вошел в историю русской культуры. Одновременно, как уже говорилось, «Запис-

---

¹ Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь, 2005. С. 161.

ки» рассматриваются как подлинное историческое свидетельство о биографии и характере самой Долгорукой и оцениваются, естественно, с точки зрения их документальности и точности. Особенно важным «документом» текст оказывается для ученых-историков.

Высказанное исследовательницей суждение, а также и приведенные выше размышления о специфике созданного Долгорукой автобиографического повествования, дают основания рассматривать этот текст как произведение, обладающее эстетической природой, связанное со спецификой коммуникативных стратегий культуры XVIII в.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743-1810), урожденная графиня Воронцова, снискала себе известность и славу как легендарная соратница Екатерины Великой, участница «государственного переворота» 1762 г., за что и получила имя Екатерины «Малой».

«Записки» Дашковой были написаны в 1804-1805 гг., но можно предполагать, что какие-то записи велись ею на протяжении всей жизни и послужили в дальнейшем материалом для создания «*Mon histoire*». «*Mon histoire*» – это название рукописи мемуаров на французском языке, опубликованной позже в «Архиве князя Воронцова» (кн. XXI).

Ее мемуары являются едва ли не самым широко цитируемым и, на первый взгляд, изучаемым текстом. Однако по сложившейся исследовательской традиции этот текст также воспринимается слишком прямолинейно: он расценивается или как ценный исторический документ (достоверность которого, правда, периодически оспаривается, а потому и ценность часто ставится под сомнение), или как памятник исторической эпохи Просвещения

Очевидно, что «Записки» Дашковой определены уникальной для русской культуры личностью мемуаристки и дискурсивной практикой ее времени – эпохи Просвещения, просто временного отрезка русской и европейской истории, совпадающего с биографией Дашковой. Она была активным участником реализации просветительских идей и практик в России и испытала на себе самое сильное влияние интеллектуальных устремлений и идеалов своих современников, философов-просветителей.

Перипетии судьбы самой Дашковой и ее автобиографической героини в ретроспективном освещении потребовали разных принципов автоmodellирования и интерпретации личности героини. В этой связи текст «Записок» условно, но вполне осязаемо делится на две части. Первая связана со временем успехов и активной деятельности Дашковой и посвящена теме воспитания и становления личности нового типа и нового времени. Эта тема была особенно актуальной для русской культуры и литературы в 1750-1760-е гг., то есть в то время, когда происходило становление личности самой Дашковой. Закономерно в этой связи то, что рассказ Дашковой о молодых годах ориентирован не просто на философские идеи Просвещения, но и на дискурсивные практики времени, литературные приемы и образы.

В тексте «Записок княгини» создается образ героини, одновременно существующей в двух традициях: в традиции нового времени и в традиции средневековой культуры, когда героиня совмещает в себе образец «светского» и «житийного». Благодаря использованию этого механизма, автор достигает того, что личность героини не только становится идеальной и сакральной в тексте «Записок», но в первую очередь представляет собой модель универсальной женской личности. Универсализм этот проявляется на уровне воплощения в одной женской личности двух начал (мужского и женского), двух культурных моделей (просветительской модели нового времени и житийной модели средневековья) и на уровне присвоения личностью функций Творца и Демиурга.

История становления женского дискурса и вариантов его интерпретации, которая самым существенным образом влияет и на современное отношение к женским мемуарам, сегодня нуждается в своем «прочтении». Именно оно позволит четко разграничить разные временные пласты, значимые в их отношении к семантике автобиографического повествования. С одной стороны, это та культурная эпоха, в которой возникает текст и его специфические характеристики, с другой – более поздние периоды истории культуры с присущими им своими чертами, особенностями, способами понимания, которые «накладываются» на восприятие предшествующего времени и его текстов.

Таким образом, мы можем говорить о том, что женское письмо является составной и необходимой частью русского историко-

литературного процесса, а его отличительная черта состоит в том, что это не только женский дискурс, но и почти всегда дискурс о женском. Именно в этой двойной перспективе, как представляется, и должны рассматриваться мемуарные женские тексты, которые уже изначально ориентированы на презентацию женского Я. Женские мемуары и воспоминания представляют собой случай вербальной реализации личности и связаны с проблемой порождения текста «светской» литературы как средства личностного самоопределения¹.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что социокультурная динамика XVIII в. привела к смене всей культурной парадигмы, в том числе к изменению механизмов самовыражения и оформлению целостного женского дискурса в контексте эпохи. Наиболее репрезентативными текстами для интерпретации феномена женской автобиографической литературы в этом контексте представляются записки Н.Б. Долгорукой, А.Е. Лабзиной, Е.Р. Дашковой, Екатерины II. Эти тексты объединяет и время, и автобиографическая направленность, но при этом они различны по своей текстовой семантике и цели, написаны женщинами разного общественного положения и известности (монахиня – средней руки дворянка – президент Академии наук – императрица), что позволяет получить представление о мемуарной женской прозе эпохи и основных ее тенденциях в целом. Опираясь на стратегии анализа, сформулированные современными учеными, можно утверждать, что женские мемуары и воспоминания представляют собой случай вербальной реализации личности и связаны с проблемой порождения текста «светской» литературы как средства личностного самоопределения. Женская мемуаристика всегда привлекала внимание исследователей, однако их подходы и оценки менялись в зависимости от исторических условий и господствующих историографических традиций. Несмотря на то, что женской мемуаристике как сложной междисциплинарной области гуманитарного знания посвящено большое число исследований, в рамках исторической науки эта область продолжает оставаться недостаточно изученной как в конкретно-историческом, так и в историографическом и источниковедческом аспектах.

---

¹ Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: Статьи разных лет. М., 2005. С. 400.